Светлана Артемьева

Апокалипсис у Достоевского

«Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром. <...> Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»

(Откр. 22:16,17,20).

Слово **«апокалипсис»** (αποκαλυψις) по-гречески означает «откровение». Оно употребляется в двух значениях:

1) Конкретное произведение – **Откровение Иоанна Богослова** или другие апокалипсисы в Библии, входящие в состав Евангелий или Посланий, а также апокрифические апокалипсисы.

2) Вообще всякое откровение о конце мира.

В данной работе мы будем использовать оба значения этого слова.

Тема апокалипсиса является значимой в мировоззрении Достоевского в силу того, что само его мышление религиозно и апокалиптично. Большое значение в его жизни имело Священное Писание и, особенно, **Откровение Иоанна Богослова**, изучая которое, он увидел в окружающем его мире признаки приближения «конца света» и разглядел первые знамения исполнения апокалиптических пророчеств. Своими произведениями Достоевский пытался предупредить человечество о грозящей ему опасности. Для этого он ис-

пользует образы из **Откровения** в своих работах, часто ссылается на него в письмах и дневниках. На полях Откровения, принадлежащего Достоевскому, содержится 16 отметок. Также у него есть герои – толкователи Апокалипсиса – такие, как Лебедев; многие персонажи приводят цитаты из Апокалипсиса, спорят о его смысле, просто упоминают о нем. Это Степан Трофимович Верховенский, Кириллов, Тихон, Мармеладов, Федор Карамазов, Версилов, старец Зосима, даже Федька Каторжный – и это далеко не полный список.

Нужно сказать, что во время Достоевского (да и в наше время) в размышлениях о судьбах человечества были актуальны две тенденции: назовем их «**милленаристская**» (от слова «**миллениум**») и «**апокалиптическая**». В обоих случаях речь идет о конце этого мира и начале нового, но происходить это может разными путями. «Апокалиптическая» тенденция говорит о том, что мир идет к своему концу, и конец этот будет ужасен. Мы живем в последние времена, сроки близятся, судя по тому, что появились знамения, о которых говорит **Откровение**. А впереди жестокие войны, катастрофы и, как апофеоз всего, Страшный Суд ... Основные же положения «милленаристской» (от слова «милленаризм» – вера в тысячелетнее царство Бога и праведников на земле) тенденции таковы: у мира, у человека (в других интерпретациях у России) великое будущее, они призваны путем построения истинной религиозной культуры и «воздвижения креста Христова» привести мир к Богу, к тысячелетнему Царству Христову. Рано или поздно человек исполнит свое призвание привести все творение к Богу и самому обожиться.

У Достоевского присутствуют обе эти тенденции. В данной работе мы рассмотрим «апокалиптическую». Наша задача состоит в том, чтобы на материале романов **«Преступление и наказание»**, **«Идиот»**, **«Бесы»**, **«Подросток»** и **«Братья Карамазовы»** проанализировать разные варианты «негативных концов света» у Достоевского.

Как мы уже говорили, к ним ведут оскудение и потеря веры в Бога и бессмертие. Что же может случиться с человеком после этого?

Самые «сильные» представители человечества могут обратиться против Бога, отрицать Его и Его порядок и искать возможности создать свой мир. (Это Раскольников, Иван Карамазов, Ставрогин, Кириллов).

У «средних» людей сохраняется стремление служить добру, но они сотворяют кумира из своего идеала (а им может быть нация, социализм, раса и т.д.) и утверждают его любыми средствами. (Итог этого – «шигалевщина» и подобные ей попытки построения Вавилонской башни).

Наконец, «эгоисты» начинают эксплуатировать все и вся для своего удовольствия. (Это такие персонажи, как Свидригайлов, Лужин, Федор Карамазов, Смердяков).

В общих чертах можно выделить два вектора, по которым происходит развитие идеи богоборчества: «**общественный**» – путь реализации социальных инноваций – и «**индивидуальный**» – рождение человека нового типа – человекобога или сверхчеловека. Это, по сути, два главных русла, в которые выливается всякое отпадение от Бога. В произведениях Достоевского этот «общественный» вектор всегда ведет к Апокалипсису, а рождение человекобога, то есть появление антихриста, – веха на том же пути, предсказанная **Откровением** и знаменующая такой же мрачный конец.

По этой схеме рассмотрим героев Достоевского и предлагаемые ими варианты конца этого мира и начала нового.

Итак, Раскольников. Он разделяет людей на два разряда – «обыкновенных» и «собственно на людей» (6; 200), то есть на «тварей дрожащих» и «право имеющих» распоряжаться их жизнями по своему усмотрению, конечно, имея в виду благую и великую цель. Всю несостоятельность и опасность этой теории Достоевский показывает в эпилоге романа, где он, используя образы из **Откровения,** раскрывает, что происходит, когда человек начинает считать себя самым «умным и непоколебимым в истине» (6; 420) и думать, что эта истина заключается в нем одном.

В этом сне Раскольникова, приснившимся ему на каторге, речь идет о трихинах (от греческого слова τριξ – волосок), от которых люди становились бесноватыми и сумасшедшими. (Сообщения о трихинах в свином мясе действительно появлялись в 1864-65 годах в прессе). Люди из сна «...убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. <...> Начались пожары, начался голод» (6; 420). Мы видим похожую на Апокалипсис картину: «И я взгля-

нул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными». (Откр.6-8). Спастись же «во всем мире могли только несколько человек, это были **чистые и избранные**, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» (6; 420). Похоже на тех «званых и избранных и верных» (Откр.17:14), на те «...сто сорок четыре тысячи, искупленные от земли. <...> они непорочны пред престолом Божиим». (Откр.14:3-5).

Возвращаясь к Раскольникову, отметим, что, хотя он и носит в себе идею вседозволенности, в то же время и не потерял до конца веры в Божие Царство – Новый Иерусалим, в который, по его словам, верует «буквально». («И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр.21:2)). Он говорит, что верует и в воскрешение Лазаря. Но можно предположить, что он обманывает в этом сам себя. Об этом свидетельствует еще одно его упоминание о Лазаре: «Этому тоже надо Лазаря петь, — думал он, бледнея и с постукивающим сердцем, — и натуральнее петь»(6; 189). Здесь Раскольников употребляет выражение «Лазаря петь», то есть «петь о воскрешении Лазаря» в смысле «обманывать».

Во всяком случае, гораздо легче поверить в Царство Божие «когда-нибудь потом», в конце времен, чем в реальность его «здесь и сейчас» – в настоящее чудо воскрешения, которое может произойти и для него. Но чудо все-таки происходит. Из болезни, которую Раскольников едва переносит, он выходит обновленным, преображенным человеком: «Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» (6; 422).

Раскольников – один из первых сверхчеловеков-антихристов у Достоевского, пока еще неуспешный, но уже имеющий в себе черты данного типа. Антихрист в **Откровении** характеризуется как зверь, выходящий из моря; он «подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва». (Откр.13:2). Согласно проф. Лопухину, сравнение антихриста с этими тремя зверями говорит о том, что ему будут присущи лукавство, упорство, высокомерие и властолюбие.[1] Все эти качества, в той или иной мере, мы

можем найти и у Раскольникова, и у прочих героев – богоборцев.

Еще один в этом ряду, более сильный, чем Раскольников, – Кириллов, провозглашающий антропотеизм – новую религию – поклонение человекобогу. Нельзя не отметить эсхатологичность его мышления. Кириллов верит в «здешнюю вечную жизнь», когда время остановится и «будет вечно», он считает, что если «...весь человек счастья достигнет», то времени больше не будет, «потому что не надо», оно «погаснет в уме». (10; 188). Для него это не просто рассуждения: Кириллов сам испытывал это состояние: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой». (10; 450). Это состояние выше прощения, выше любви и стоит всей его жизни. Кириллов считает, что выдержать больше человек не может и должен переродиться физически.

Проанализируем ключевые слова этого отрывка – «времени больше не будет»: «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, <...> что времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам». (Откр. 10:5-7). Ангел, произносящий эти слова, – вестник Божественной воли, он держит в руках открытую книгу – откровение о последних днях, которое обращено ко всем людям «на море и на земле». Его слова могут означать, что скоро наступит окончание земного времени, то есть время как категория «просто погаснет в уме». Другое значение – что близко время вечности, так как близок день суда и общемирового переворота, а сейчас на земле «последние времена» (1Ин.2:18) перед «полнотой времен» (Еф.1:10), когда время ис-полнится, приобретет новое значение и предназначение, исчерпает свой нынешний смысл и наполнится иным, высшим смыслом. А такого, как мы имеем сейчас, времени «больше не будет, потому что не надо». Вероятно, именно это имел в виду Достоевский и на это уповал, говоря о конце времени, но Кириллов представляет себе нечто другое. Он уже получил некоторую запредельную власть над временем: умеет просыпаться, когда хочет; пытается «поймать» время, остановив часы. Его главная идея – отрицание Бога и Его промысла над собой. Кириллов верит в Иисуса Христа, но только как в человека, не сумевшего победить смерть, сам же Кириллов претендует имен-

но на это. Он считает, что, заявив своеволие и убив себя, тем самым, закончит человеческую историю и приведет существующий мир к концу, будет творцом нового мира, в котором «человек должен перестать родить», потому что развитие закончится и начнется новое существование, где каждый будет бог и «хорош»: «кто научит, что все хороши, тот мир закончит» (10; 189). В его «воскресении» люди переменятся физически и будут избавлены от боли и страха. «Будет новый человек, счастливый и **гордый** <...> Кто победит боль и страх, тот сам бог будет. А Тот Бог не будет» (10; 93). Из слов Кириллова можно заметить его сходство с апокалиптическим зверем, о котором говорится, что «даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно» (Откр.13:5). Оба эти качества – гордость и богохульство – присущи Кириллову и его новым людям (ведь своеволие, то есть отрицание над собой всемогущей воли Бога, и есть богохульство).

Возвращаясь к словам Кириллова, отметим, что, на первый взгляд, он высказывает буквально те же мысли, что и сам Достоевский о воскресении в дневниковой записи 1864 года. (Он говорит, что в вечной жизни «не женятся и не посягают, а живут, как ангелы Божии», потому что «...развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо».) А вот слова Кириллова: «Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как ангелы Божии» (10; 450). Но на самом деле ему видится нечто иное: воскресение без Бога, не **будущая** вечная жизнь, а «**здешняя** вечная жизнь». Кириллов сам противоречит себе, говоря, что он «бог поневоле»: ведь получается, что он не всемогущ. В упоении своеволием он говорит: «Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу» (10; 472). В этих словах есть сходство со словами Иисуса: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин.10:9). Кириллов идет к тому, чтобы, как новый Христос, принести себя в жертву, но, хотя он и хочет быть спасителем человечества, дать ему бессмертие, он – полная противоположность Христу. Тот, исполняя волю Отца, распинается миром, открывая людям жизнь **будущаго** века, а Кириллов исполняет волю свою, сам убивает себя, чая бессмертия и жизни вечной в **этом** мире, но получает лишь смерть. Подобно тому, как Раскольников решился убить, он решил покончить с собой. Это «более высший пункт своеволия», но Кириллов тоже неуспешен,

правда, в ином роде: его же идея придавила его, и его «божественность» его поглотила.

Еще один из ряда человекобогов Достоевского – Иван Карамазов. Он тоже предлагает свой вариант конца этого мира. Его идея, как и у Кириллова, заключается в том, что человек должен отречься от Бога и заявить своеволие. Но для достижения этого никому не надо никого убивать: все свершится «само собой», «параллельно геологическим периодам» (15; 83). И тогда, без антропофагии (вспомним Раскольникова), уничтожится нынешнее мировоззрение, этические и религиозные убеждения людей и «наступит все новое». «Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастия и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человекобог» (15; 84). Мы опять видим характерные качества антихриста и «антихристиан» из **Откровения**: гордость, даже «титаническая», и своеволие. Ивану представляются удивительные картины всеобщей любви и братства, но тут-то мы и видим всю несостоятельность и этой теории: так как предполагаемый конец мира еще не наступил и неизвестно, когда наступит, нет смысла ждать и можно устроить «конец света» лично для себя и тогда «с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека (твари дрожащей! — С. А.), если оно понадобится. Для бога не существует закона!» (15; 84). То есть и Иван, «выходя из безграничной свободы, заканчивает безграничным деспотизмом». Идея всечеловеческого счастья приводит к тому, что «все позволено».

Самого же Ивана Достоевский характеризует сначала как угрюмого и закрывшегося в себе отрока, далеко не робкого, который рано начал проявлять необыкновенные и блестящие способности к учению. А к совершеннолетию ему были свойственны практическое и умственное превосходство над окружающими, гордость, высокомерие, холодное здравое рассуждение, отвращение к вину и разврату (14; 15). Из качеств, отмеченных в **Откровении**, мы видим только гордость и высокомерие, но образ Ивана похож на образ, созданный Соловьевым в «Краткой повести об антихристе». (Антихрист Соловьева был «исключительно гениален, красив, великий аскет и филантроп»).

Перед тем, как перейти к следующим вариантам «конца света», посмотрим, что думает Достоевский о современном ему состоянии общества, и попробуем определить, что же настраивало писателя на столь мрачный лад. В романе «**Идиот**» мы встречаем первого толкователя **Откровения** – Лебедева, «профессора Антихриста» (8; 168). Он считает, что «звезда Полынь» из Апокалипсиса – это сеть железных дорог, распространившихся по Европе. (Отметим, что в **Откровении** Достоевского напротив слов о «звезде Полынь» стоит пометка «сеть железных дорог»). Он говорит, что, конечно, «...одни железные дороги не замутят источников жизни, а все это в целом-с проклято, все это настроение наших последних веков» (8; 310). Общество строится не на нравственных основаниях, а на основаниях удовлетворения личного эгоизма и материальной необходимости. Всеобщий мир, всеобщее счастье выводится из одного только чувства самосохранения – обратной стороны закона саморазрушения. В подтверждение своих слов Лебедев рассказывает об одном людоеде из XII века, который в конце своей жизни раскаялся и предал себя в руки правосудия. Из этого анекдота следует очень важный вывод: если этот человек пошел и донес на себя, не страшась никаких пыток и мучений, «стало быть, была же мысль сильнейшая всех несчастий, неурожаев, истязаний, чумы, проказы и всего того ада, которого бы и не вынесло то человечество без той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли! <...> Покажите мне связующую настоящее человечество мысль хоть в половину такой силы, как в тех столетиях. И осмельтесь сказать, наконец, что не ослабели, не помутились источники жизни под этою «звездой», под этою сетью, опутавшею людей» (8; 315).

Посмотрим на текст **Откровения**: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр.8:10-11). Некоторые толкователи склонны понимать эти слова буквально, как падение большой звезды с неба, другие говорят о ней как о некой каре, идущей от дьявола, но, в любом случае, имеется в виду нечто глобальное, поражающее большую часть земли. (Например, у самого Достоевского есть еще одно толкование этого отрывка в **«Братьях Карамазовых»**. В «Поэме» о Великом инквизиторе он называет «ог-

ромной звездой» «страшную новую ересь», появившуюся в Германии, – протестантизм. Она «подобна светильнику» (то есть Церкви) (14; 226). Подобна – но сама не является Церковью. В данном контексте «источниками вод» называется чистота веры, замутненная новыми идеями).

Лебедев же везде называет «источники вод», о которых говорится в тексте **Откровения**, «источниками жизни». По-видимому, он имеет в виду ту «живую воду», о которой говорит Иисус: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой» (Откр.21:6) и которая уготована пострадавшим за Него: «ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр.7:17). Под живой водой подразумевается Святой Дух, наполняющий человека и ведущий его в жизнь вечную. Исполненный Духа человек сам становится таким источником жизни: «а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин.4:14). Таким образом, Лебедев, а вместе с ним и Достоевский, утверждает, что все это попечение о повышении благосостояния и улучшении условий жизни без какой-либо заботы о духовности повредило душе человека, ослабило в ней силу действия Духа. А под «связующей мыслью» он и подразумевает тоску по Богу и Его Духу, жажду наполниться этой «водой живой» и самому ожить. Эта тоска и приводит людоеда из XII века к покаянию, а у людоеда – «друга человечества» (8; 312) из XIX века такой мысли уже нет, и, следовательно, он гораздо страшнее первого, ибо источники жизни в нем ослаблены дьяволом, и раскаяние неизмеримо более затруднительно. Закон самосохранения и личной выгоды – «горькое» основание для построения общества, он несет не жизнь и счастье, а лишь внешние атрибуты благоденствия. Это закон общества, принявшего дьяволовы искушения, как это покажет Достоевский в «Поэме» о Великом инквизиторе. И еще: эта звезда «**подобна** светильнику», а ведь благосостояние, богатство, редкость голода и быстрота путей сообщений – символы времени, о которых говорит Лебедев, – **внешне** тоже очень привлекательны и хороши.

В подтверждение вышесказанного осталось привести еще слова Шатова из **«Бесов»** о движущей силе всякого народа. Это «...есть сила беспрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и

отрицания смерти. Дух жизни, как говорит писание, «реки воды живой», иссякновением которых так угрожает Апокалипсис. <...> «Искание бога», как называю я всего проще» (10; 198).

Рассмотрим, как же может развиваться общество, основанное «на началах науки и разума». В этом нам может помочь диалог из подготовительных редакций к «**Бесам**». Персонаж, речи которого нас интересуют, «Князь», – будущий Ставрогин. Идеи, которые он высказывает, в окончательной редакции романа отданы Шатову (в несколько измененном виде). Это все те же идеи об исключительной роли России в мировой истории, только здесь они проникнуты большей апокалиптичностью. «Мы (Россия) несем миру единственно нужное: православие, правое и славное вечное исповедание Христа и полное обновление нравственное его именем, мы несем первый рай 1000 лет, и от нас выйдут Энох и Илия, чтоб сразиться с антихристом, то есть с духом Запада, который воплотится на Западе» (11; 167-168).

Эти слова основаны на двух образах **Откровения**: «Рай в 1000 лет» – это миллениум, тысячелетнее царство Христово, а слова об Энохе и Илии взяты из 11 главы: «И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. <…> Если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту» (Откр.11:3-6). Считается, что речь здесь идет об Илии и Энохе, так как оба этих ветхозаветных праведника были взяты живыми на небо – единственные из всех людей. Эти образы важны потому, что в контексте черновых материалов к **«Бесам»** в роли Илии и Эноха выступает православная Россия, призванная нравственно обновить духовно разлагающуюся Европу, а судьба пророков видится прообразом судьбы России и русского народа. Эти праведники обладают огромной силой, данной им от Бога, но, когда окончатся дни их свидетельства, они будут убиты зверем, и трупы их три дня будут лежать на улице «духовного Содома», а все народы будут радоваться и ликовать. «Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, которые смотрели на них. И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите сюда. И они взошли на небо на облаке; и смотрели на них враги их» (Откр.11:11-12). Можно предположить, что Россию ждет похожая судьба: она должна исполнить свою мессианскую роль и постра-

дать за это, но впоследствии, при конце времен, она будет восставлена и оправдана Богом.

Далее Князь говорит: если русский народ утратит веру, в нем начнется такое же разложение и вырождение, как на Западе, только немного позже. «В несколько столетий можно до того замертвить мир, что он с отчаяния и в самом деле захочет быть мертвым. «Падите горы на нас и подавите нас». И будет. Если средства науки, например, окажутся недостаточными для пропитания и жить будет тесно, то младенцев будут бросать в нужник или есть. <...> («Не слышно гласа жениха и невесты») <...> С другой стороны, я твердо верую, что христианство спасло бы человечество. <...> В христианстве даже и недостаток пищи и топлива был бы спасен (можно не умерщвлять младенцев, но самому вымирать для брата моего). Это предсказано в христианстве: именно millenium, где не будет жен и мужей» (11; 181 — 182). На вопрос же о том, почему он буквально толкует Апокалипсис, он дает набор ключевых слов: «раненый зверь, третья часть трав погибла, блудница Востока, жена чревата – Россия. Не будет гласу жениха и невесты» (11; 182 — 183). Рассмотрим значимые для нас образы.

Первая цитата – двойная: «тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!» (Лк.23:30) и «говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» (Откр.6:16-17). То есть людям будет казаться, что все, что угодно, даже «камни», лучше окружающей их действительности. Это вполне соответствует описанному у Достоевского.

О «голосе жениха и невесты» говорится в Откровении в контексте пророчества о гибели «великого города Вавилона»: «и свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе» (Откр.18:23) – имеется в виду, что город будет разрушен и там совсем не будет людей. В этом «омертвелом» мире, по словам Достоевского, это будет уже не нужно, потому что действительность слишком ужасна.

«Третья часть трав»: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (Откр.8:7). Здесь это понимается буквально как уничтожение растительности и съедобных растений. Многие толкователи говорят о том, что все это произойдет уже в новом, совершенно отличном от нашего мире. Но мы

можем видеть, что в наше время (да и во время Достоевского), чтобы подобное случилось, каких-то глобальных перемен не требуется.

Для полноты картины еще нужно отметить то, что говорил Версилов в **«Подростке»**, рисуя картину будущих судеб мира. Он называет это будущее общество «царством нищих» (13;172) и, характеризуя его, ссылается на **Откровение**. Это говорит о том, что и ему будущее видится мрачным и апокалиптичным, а пророчества имеющими оправдаться.

О том, каково это будущее общество, которое возникнет при конце мира и будет знамением его конца, мы немного говорили, анализируя сон Раскольникова. Мы видели, что у Раскольникова «эвклидов» ум, заключенный в плоскости понятий этого мира, бессильный принять чудо и уверовать в него. Это все же удается ему в конце романа, поэтому его сон остается лишь «сном», но последующие герои Достоевского уже настоящие антитеисты, не верящие Богу. «Эвклидову» уму, не верящему в бессмертие человеческой души, представляется разумным добиваться счастья для людей, «золотого века», именно на земле. Своеволие же, по Достоевскому, – одна из сторон такого «эвклидова» сознания, которая неизбежно приведет к отрицанию Бога, мира и, следовательно, самого человека. Эта новая идея своими руками покончить с «плохим» Божьим миром и сотворить свой «хороший», пожалуй, наибольшее развитие в социальной перспективе получила в **«Бесах»**.

Идеологом выступает Шигалев, предлагающий, отталкиваясь от абсолютной свободы, разделение человечества на две неравные части и безграничный деспотизм (10; 312). Но действительный руководитель – Петр Верховенский. В нем уже нет тех качеств, которые помешали бы ему идти до конца: ни честолюбия, ни «малодушной» веры; он – идеальный образец нового человека, использующего на практике те выводы, которые следуют из активного отрицания Бога и бессмертия.

Шигалев для устройства своего «земного рая» предлагает разделить человечество на две неравные части – «пастырей» и «послушное стадо». Он предполагает устроить это, во-первых, установлением шпионства всех за всеми. Во-вторых, понижением уровня образования, наук и талантов. «Рабы должны быть равны: Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно

быть равенство, и вот Шигалевщина!» (10; 322). В-третьих, устроением беспрекословного послушания, но с разрешением разврата, пьянства и «судороги» с поеданием друг друга (еще раз вспомним сон Раскольникова.). Апокалиптическую картину являет собой такое общество без смысла, без желаний, ибо «...желание и страдание для нас (правителей), а для рабов Шигалевщина» (10; 323). Можно провести параллель с эсхатологической притчей о Страшном Суде (Мф.25:31-46). В Евангелиях народ Божий часто называется стадом овчим, а Христос – Пастырем; здесь тоже употребляются эти образы. «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов». По теории Шигалева люди тоже должны стать стадом, а он и те, кто с ним, – пастырями, но мы видим только мрачную пародию на Евангельский текст. Один Бог может судить людей, разделяя их на агнцев и козлищ, а Шигалев сам присваивает себе право быть вершителем человеческих судеб, являя собой страшную пародию на Пастыря доброго. (Ин.10:11). В этом и выражается его антихристианская сущность. Эта аналогия применима и к Великому инквизитору, и к прочим его последователям.

Верховенский – скрытый, но главный «идеолог» в романе – считает, что пока общество не готово к таким преобразованиям. У него есть своя идея, свой уникальный план, все остальное для него лишь декорации и живые силы, которыми он умело и профессионально манипулирует. Главный пункт его программы – уничтожение веры в Бога в народе. Для этого он предлагает устроить многолетнюю смуту, разврат, пожары, разрушение, чтобы ничто в человеке уже не напоминало о его священном предназначении. И тогда Верховенский выводит новое действующее лицо – «Ивана-Царевича», «новую силу» (10; 325). Он скрывается, никто его не видел, но он идет. Тут можно увидеть параллель с Евангельским текстом, где Христос говорит о Своем втором пришествии: «Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», – не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», – не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф.24:26-27). Верховенский же хочет предложить нечто, противоположное пришествию Христа, – пришествие антихриста, захватывающее людей своей таинственностью. Об этом свидетель-

ствует и его описание. Это красавец, гордый как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, «скрывающийся»» (10; 325). И вот тогда-то и можно начинать созидание «строения каменного» (10; 326) – Вавилонской башни, которое для Петра Верховенского является формой некой религии – религии без Бога. Этот антитеист, отрицающий Бога и Его Царство, сам поклоняется идолу, «солнцу» – Ставрогину, которого возводит на пьедестал. Ставрогин – тоже один из этих «новых людей», тех, кто в стремлении «заявить своеволие» потерял Бога, а заполнить свою духовную мертвость и пустоту не смог, несмотря на все свои старания.

В этой паре – Ставрогине и Верховенском – можно увидеть соответствующие образы из **Откровения**. Если рассматривать Ставрогина как антихриста (ведь именно он, как злой дух, «подкидывает» идеи Шатову, Кириллову и Верховенскому, которыми те становятся одержимы впоследствии), то есть «зверя из моря» (Откр.13:1), то Верховенский – это «зверь из земли»: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон» (Откр.13:11). Меньшее, чем у зверя-антихриста, количество рогов говорит о том, что этот зверь слабее и может быть только слугой антихриста. А то, что рога «подобны агнчим», свидетельствует о том, что он, прикрываясь внешним видом Агнца, то есть Христа (см. Откр.6:1), на самом деле имеет целью соблазн и гибель людей. Он говорит, как дракон, то есть его речи прямо от сатаны. «Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю» (Откр.13:12). Его цель – заставить всех людей поклониться антихристу. Это очень похоже на то, чего хочет Верховенский, – настоящий лжепророк. Но это только его мечты, в реальности Ставрогин не очень подходит на роль антихриста. Как видно из разговора с Тихоном (11; 10-11) и чтения отрывков из Апокалипсиса – к Лаодикийской Церкви и, в черновиках, к Сардийской (11; 268) – он оказывается всего лишь «теплохладным».

«И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим» (Откр.3:1-2). «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы

ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр.3:14-17).

Ставрогин просит Тихона прочитать эти места сразу после того, как тот говорит, что «атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры <...> а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха» (11; 10). Ставрогин и есть этот равнодушный или теплохладный, то есть мертвый духовно, не имеющий в себе «источника воды живой». Все, что осталось в нем хорошего, «близко к смерти», внешнее – материальное и душевное – богатство только прикрывает духовную несостоятельность.

В романе есть еще один теплохладный персонаж – Степан Трофимович Верховенский. Когда, уже незадолго до смерти, он просит книгоношу почитать ему что-нибудь из Нового Завета, который он хотел исправлять (10; 491), Книга раскрывается как раз на словах «И ангелу Лаодикийской Церкви напиши...» (10; 497-498). Степан Трофимович понимает смысл этих слов и не хочет больше быть «только теплым». И, пожалуй, он приходит к новому осмыслению своих отношений с Богом и ближними. Достоевский вкладывает ему в уста собственные слова: «Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце. <...> Если есть Бог, то и я бессмертен!» (10; 505). Но не таков конец Ставрогина. Желая стать хотя бы «холодным» и заявить все-таки своеволие, как и Кириллов, он решается на самоубийство.

Показывая все это, Достоевский пытается донести до нас свое убеждение, что социальные системы без христианских оснований, которые только и могут быть источником преображения человека, становятся системами насилия и рабства. Впрочем, в системе Шигалева – Верховенского присутствует элемент утопизма: хотя бы то, что нет ни людей, ни средств для начала действий.

Но тут и появляется Великий инквизитор. Он совсем не таков, как «бесы» Шигалев, Верховенский и иже с ними. Он далеко не утопист и совсем не имеет цели освободить людей. Желая человечеству счастья, он считает, что оно несовместимо со свободой, что этот Божий дар не нужен людям, более того, смертельно опасен для них, ибо «...они невольники, хотя и созданы бунтовщиками»

(14; 233). Но человек не виноват, что «...не в силах вместить столь страшных даров» (14; 233), значит, ему нужно «помочь». По мнению инквизитора, три искушения, которые отверг Христос в пустыне, – единственный способ накормить, успокоить и соединить людей в «согласный муравейник» (14; 235).

Уже в первом искушении возникает образ из **Откровения**: «Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!» (14; 230).

Речь идет о «звере из моря»: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. <...> И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: **кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»** (Откр.13:1-7).

Мы видим два образа – зверь и дракон. Согласно толкованию проф. Лопухина[2] , дракон – это сатана, а зверь – его орудие, антихрист. Семь голов зверя – это, соответственно, семь царств и семь царей, враждебных Богу и Его народу, а рога и диадимы указывают на их могущество и полноту власти над землей, полученной от дьявола. Люди поклонятся ему как божеству, о чем свидетельствует его несравнимость ни с кем – то есть «совершенство». В своей гордыне и ослеплении он будет хулить Бога и Его Царство. Власть антихриста будет столь велика, что распространится на всех живущих на земле. Эта цитата соединена другой, в которой говорится о звере, выходящем из земли, который «творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Откр. 13:13). Этот зверь «подобен Агнцу» (то есть Христу); он прикрывается Его обличьем и Его учением, чтобы соблазнить людей. Так и в «Поэме»: искажение учения Христа приводит к страшной формуле: «преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные» (14; 230). В этом апокалиптическом образе представлено восстание и победа всего земного, плотского в человеке над всем духовным. Вместо служения Богу возникает культ служения человечеству. «Земные хлебы» символизируют закрытие от глаз челове-

ка всего небесного, понижение психического уровня в человеке, упрощение его природы, к чему стремится и Шигалев в «**Бесах**».

Инквизитор говорит о том, что будет несправедливо, если воскреснут только сто сорок четыре тысячи великих и сильных, «богов», а остальные, «многочисленные, как песок морской» (14; 231), должны послужить им материалом и «унавозить будущую гармонию» (14; 222) – «Нет, нам дороги и слабые» (14; 234). Великий инквизитор, по словам Бердяева, «...полон сострадания к людям, он по-своему демократ и социалист. Он соблазнен злом, принявшим обличие добра. Такова природа антихристова соблазна». [3]

Система Великого инквизитора – настоящая, совершенная шигалевщина. Ее задача – порабощение не только внешнее, физическое, но и внутреннее – душевное и даже духовное. Не только порабощение – лишение человека личности, какого бы ни было сознания, собственного разума и желаний – вот цель инквизитора (14; 236). Людей для их же счастья он хочет превратить в тех же шигалевских полуидиотов, «впрочем, работающих»; ввести строгий контроль над их мыслями и чувствами, желаниями, даже над рождаемостью. Вся эта система построена на лжи: людям будет обещано Царство Небесное, но реально такие «существа» могут найти за гробом лишь «баню с пауками» (6; 221), дурную бесконечность. На таких основаниях уже можно возводить Вавилонскую башню: всякий зародыш смуты искоренен, перед нами царство тотальной, совершенной несвободы – антипод Царства Бога, Творца свободы. Во главе такого «царства» может стоять только «страшный и умный дух» (14; 229) и воплотитель его воли – Великий инквизитор, в котором сочетаются тип «социалиста» и тип сверхчеловека.

В «Поэме» возникает образ сидящей на звере блудницы, держащей в руках чашу, на которой написано «**Тайна**» (14; 235). Эта тайна и есть символ всего царства Великого инквизитора. Его тайна, как мы уже говорили, – что он не со Христом, а с антихристом. «...и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр.17:1-6). Эта великая блудница, сидящая на звере, олицетворяющем антихриста, есть город последнего вре-

мени, столица антихристианского царства, которая может быть названа Вавилоном или Римом по сходству своей культуры и всего устроения. Это город, соблазнившийся тремя искушениями, возжелавший царства земного больше, чем Царства Небесного. Этот город наполнен всеми сокровищами земли – «земными хлебами», но в нем нет сокровищ духовных: он находится в пустыне, в пустоте, отвергнув Бога и Его любовь. Весь мир заражен его неправедным, нечистым учением, но не знает этого, потому что никому не ведома его тайна.

Вот идеал инквизитора, который он хочет сотворить на земле. И он уверен в том, что это единственно возможное осуществление человеческой мечты, как всем соединиться в «согласный муравейник» (14; 235). Он не боится суда над собой; не боится, что «...опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее «гадкое» тело» (14; 236). Он твердо верит, что прав, ибо видит плод своего труда: «...тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: "Суди нас, если можешь и смеешь"» (14; 235).

Идея инквизитора – это апофеоз богоборчества и самый совершенный «согласный муравейник». Это самое страшное, к чему может прийти человечество, самый настоящий апокалипсис для Достоевского.

Пришло время подвести итог. В данной работе мы сделали попытку на материале художественных произведений и черновых записей Достоевского рассмотреть его представления о настоящих и грядущих судьбах этого мира и о его конце. Мы видим, что Достоевский очень глубоко исследовал тайны человеческого богоборчества; нарисовал страшные и реалистические картины апокалипсиса, показав, куда может зайти человек в своем отрицании Бога и «заявлении своеволия». Романы «пятикнижия» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы») наполнены образами из Откровения. Обычно они появляются, когда речь заходит о состоянии современного Достоевскому общества или о каких-либо социальных преобразованиях. Достоевский видит в новейших теориях устроения человеческого общества «на началах науки и разума» искреннюю заботу о благополучии и про-

цветании людей на земле, непритворную жажду осчастливить человечество. Но он не устает повторять, доказывая это своими произведениями, что без Христа никакое общество существовать не может. Выходя из безграничной свободы (свободы от Бога, от ответственности за что-либо), оно придет к безграничному деспотизму, когда «все позволено», когда человек сам, в глубине своей души дает себе право на беспредел. Если человечество пойдет по этому пути, то впереди – только все более страшные катаклизмы, безумие всего мира и конец, предреченный в Откровении.

Достоевского, быть может, наиболее из всех писателей XIX века заботил вопрос о будущем России и Европы, о том, куда движется мир, и он во многом предугадал события XX века. Правда, из многочисленных его пророчеств о судьбах России и всего мира, к сожалению, пока оправдываются только «отрицательные». XX век явил миру целый сонм Верховенских, Ставрогиных и Иванов Карамазовых. Русская революция 1917 года, создание тоталитарного общества, фашизм, многочисленные войны и попытка построения коммунизма хорошо иллюстрируют то, что дело Великого инквизитора возможно и вполне реально осуществимо. Можно видеть, сколь прав был Достоевский, давая характеристику обществу безбожников, нацеленному на возведение Хрустального Дворца; насколько оправдались и воплотились в жизнь страшные идеи Шигалева и Петра Верховенского, и происходило это в том числе и в России.

Посмотрим, что покажет нам век XXI.

Примечания

[1] **Святаго Иоанна Богослова Откровение (Апокалипсис)** с толкованием проф. Лопухина. Киров,1992. С.73.

[2] **Святаго Иоанна Богослова Откровение (Апокалипсис)** с толкованием проф. Лопухина. С.73-77.

[3] **Н.А. Бердяев.** Великий инквизитор //Антихрист. Антология.– М., 1995. С.132-133.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: 1989.

2. **Ф.М. Достоевский.** Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.:1975.

3. **Св.Андрей, арх.Кесарийский.** Толкование на Апокалипсис. М.:1992.

4. **Н.А. Бердяев.** Миросозерцание Достоевского//Философия творчества культуры и искусства. М.: 1994 (т.2).

5. **Н.А. Бердяев.** Великий инквизитор //Антихрист. Антология.– М., 1995.

6. **Н.А. Бердяев.** Русская идея. М.:1999.

7. **Р. Гуардини.** Человек и вера. Брюссель:1994.

8. **А.Г. Достоевская.** Воспоминания. М.:1974.

9. **Святаго Иоанна Богослова Откровение (Апокалипсис)** с толкованием проф. Лопухина. Киров:1992.

10. **Еп.Иоанн Сан-Францисский.** Легенда о Великом Инквизиторе (Опыт религиозного комментария). США:1957.

11. **И. Кириллова.** Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна //Достоевский в конце XX века. М.:1999.

12. **Ф. Лаут.** Философия Достоевского. .М:,1993.

13. **Н.О. Лосский.** Достоевский и его христианское миропонимание. //В его книге: Бог и мировое зло. М.:1994.

14. **Н.О. Лосский.** О природе сатанинской (По Достоевскому) //Антихрист. Антология. М.:1995.

15. **В.В. Розанов.** Легенда о Великом Инквизиторе. М.:1996.

16. **В.В. Розанов.** Апокалипсис нашего времени// Уединенное. М.: 1990.

17. **Словарная Энциклопедия** «Христианство» в 3х томах. М.:1996.

18. **Словарь** «Христианство». М.:1994.

19. **В.С. Соловьев.** Три разговора о войне, прогрессе, всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. М.:1991.

20. **В.С. Соловьев.** Три речи о Достоевском. М.:1995.

21. **С.И. Фудель.** Наследство Достоевского. М.:1998.